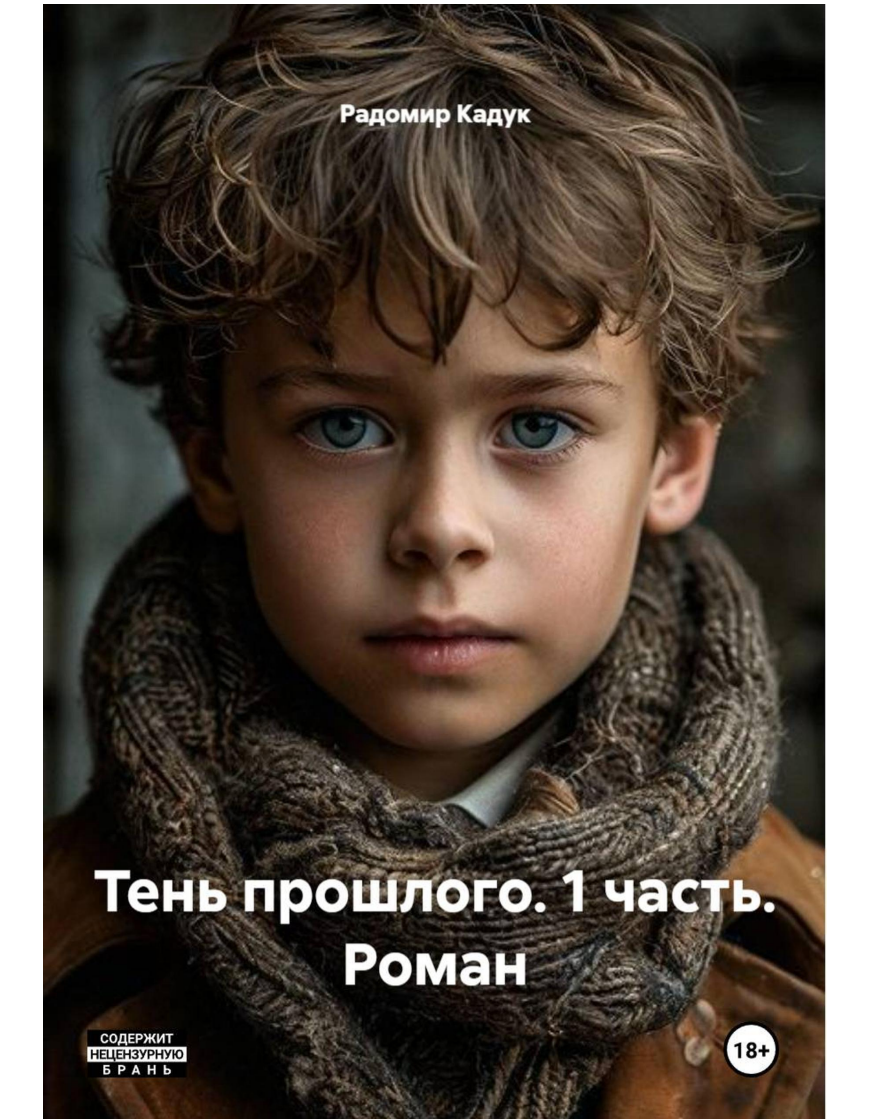

A close-up portrait of a young boy with curly brown hair and light blue eyes. He is wearing a thick, brown, knitted scarf and a brown jacket. The background is dark and out of focus.

Радомир Кадук

Тень прошлого. 1 часть.
Роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Радомир Кадук

Тень прошлого. 1 часть. Роман

<https://litres.ru/74321673>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами история о мальчике, который родился не для счастья. Марк — жертва домашнего насилия, потерявший мать в младенчестве, выросший в семье, где любовь заменила нагайка, а забота — страх. Его жизнь — это борьба за выживание. Но когда он теряет глаз от руки собственной мачехи, когда его единственный защитник — дедушка — умирает у него на глазах, Марк понимает: он не может больше быть жертвой. Он должен стать тем, кто защищает других.

Он находит брата, любовь и призвание — защищать слабых. Но тени прошлого не отпускают его.

Эта книга — крик. Крик о том, что насилие над детьми существует. Крик о том, что дети не должны молчать. Крик о том, что даже в самой тёмной ночи есть свет — в дружбе, в братстве, в любви, которая сильнее смерти.

Содержание

Глава 1. Начало	4
Глава 2. Пять лет. «Настоящая жизнь»	14
Глава 3. Шесть-семь лет. Школьный ад	19
Глава 4. Восемь лет. Котёнок	22
Глава 5. Девять-десять лет. Смерть Анны	25
Глава 6. Одиннадцать лет. Последняя вспышка	28
Глава 7. Учитель	31
Глава 8. Возвращение тишины	50
Глава 9. Смерть Валентина	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Тень прошлого.

1 часть. Роман

Глава 1. Начало

Февраль 1997. Провинциальный городок.

Шестнадцатилетняя Елена стояла у окна школьного коридора и смотрела, как снег залепляет стёкла. В тот день она впервые поняла, что такое любовь — когда Андрей, студент с филфака, который жил через два дома, подошёл к ней после уроков и молча протянул смятую тетрадь. Там были стихи, написанные его рукой. Ей показалось, что мир перестал дышать.

Елена не знала матери. Та умерла, когда девочке не исполнилось и года — от затяжной пневмонии, которую запустили, потому что в их промёрзшей хрущёвке не было горячей воды. Отец, Константин, наладчик на заводе, тогда запил по-чёрному. С тех пор каждая получка превращалась в праздник для его собутыльников, а для Елены — в ночь, полную криков и битой посуды. К девятидесятым годам алкоголь уже сжигал его печень, и врачи шептались про рак, но Константин отмахивался: «Успею, дочка. Ты только школу кончи».

Елена привыкла готовить, стирать, клеить обои в дырах от кулаков отца. Она не жаловалась. Она ждала, когда

наступит весна, когда можно будет выбежать во двор и увидеть Андрея, который возвращался из университета с гитарой за спиной.

Андрей был из тех, кого в городке считали странными. Он читал Пастернака вслух, играл в местном ДК бардовские песни и иногда получал за это пятьдесят рублей — достаточно, чтобы не просить денег у родителей, которые жили в соседнем районе. Он был старше Елены на три года, но разница казалась им неважной. В декабре они тайно съехались в студенческом общежитии: Елена устроилась туда уборщицей, чтобы её не выселили. Андрей сделал ей предложение прямо на лестничной клетке, когда пахло жареной картошкой и машинным маслом.

— Ты серьёзно? — спросила она, глядя на него снизу вверх.

— Серьёзнее не бывает, — он достал из кармана дешёвое колечко с фианитом. — Пойдём в загс, как только тебе стукнет семнадцать. Или раньше, если удастся уговорить опеку.

В мае Елена поняла, что беременна. Андрей плакал от счастья. Он написал песню для будущего ребёнка и играл её по ночам, пока соседи стучали по батареям.

Но счастье длилось недолго.

На дне рождения одноклассника Андрея, куда Елена пришла в единственном приличном платье, она заметила на себе пристальный взгляд. За столом напротив сидел коренастый парень в дорогом пиджаке — Валентин, помощник проку-

рора, сын начальника завода, на котором работал её отец. Он не пил, не танцевал, а только смотрел на Елену, как удав на кролика.

Через два дня у ворот общежития затормозил чёрный «мерседес». Валентин вышел, опёрся на дверцу и улыбнулся.

— Елена, привет. Прогуляемся?

— Я занята, — ответила она, сжимая сумку с продуктами.

— Я знаю. Ты с этим... филологом. Но ты не захочешь жить в общеаге, когда увидишь мою квартиру в центре. У меня есть трёхкомнатный кооператив, и я собираюсь уехать в Москву. С тобой.

Елена развернулась и ушла. Но Валентин не отставал. Он караулил её у школы, у магазина, подъезжал на машине, когда она возвращалась вечером. Однажды он поднялся в общежитие и громко, при всех, сказал:

— Выбирай, Лена. Я могу дать твоему Андрею десять тысяч долларов, чтобы он уехал в столицу и сделал карьеру. Или я могу сделать так, что он никогда больше не возьмёт в руки гитару.

Елена побелела. Она закрыла дверь и дрожала до утра.

Июль 1997. Ночь после концерта.

Андрей возвращался пешком через парк — в руках чехол с гитарой, в кармане двести рублей за выступление. У фонарного столба его ждал Валентин. Тихо, спокойно.

— Андрей, давай по-хорошему, — сказал Валентин, за-

куривая. — Я предлагал тебе деньги. Десять зелёных. Ты с ними откроешь студию, запишешь альбом. А Лена останется здесь. Она ребёнка родит, я о ней позабочусь.

— Она не вещь, — ответил Андрей, сжимая гриф гитары. — Я не продаю её.

— Зря. — Валентин щёлкнул пальцами, и из темноты вышли двое. Они выбили гитару из рук Андрея, повалили его на землю. — Ты не понимаешь, что такое жизнь, студент. Здесь либо ты, либо тебя.

Андрей попытался встать, но Валентин вытащил пистолет — «ТТ», казённый, с прокурорской кобуры. Выстрел был глухим. Андрей упал на мокрую траву, ещё дёргаясь, но Валентин выстрелил второй раз, в голову.

— Уберите тело в лес, — приказал он своим людям. — И завтра же отнесите письмо. Я подготовил.

Наутро Елена получила конверт. Внутри лежал листок, исписанный корявым почерком, похожим на Андреев:

«Лена, прости. Я уезжаю. Не ищи меня. Ты достойна лучшего. Я не готов к ребёнку. Андрей»

Она прочитала это трижды, потом упала на пол и закричала. Соседи вызвали милицию, но Валентин уже был там — он пришёл «утешить» девушку. Он забрал её в свою квартиру, пообещал найти Андрея, но каждое утро добавлял в чай несколько капель психотропного препарата. Елена переставала понимать, где реальность, где сон. Она соглашалась на

всё, лишь бы не чувствовать боли.

В августе, когда живот уже был заметен, Валентин поместил её в частную клинику под видом «пограничного состояния». Там, под седативными уколами, она родила Марка — худого, синеватого от астмы и сердечной недостаточности. Ребёнка тут же забрали в реанимацию, а Елене продолжали колоть транквилизаторы. Через месяц она умерла во сне — остановка сердца.

Валентин не горевал. Он оформил все активы, купленные на мафиозные кредиты, на имя сына: особняк в Подмосковье, офшорный бизнес, даже долю в заводе. Теперь, пока Марк жив, деньги остаются под контролем Валентина. Но он не собирался растить наследника.

Он нашёл новую жену — Надежду, высокую, с ледяным взглядом, дочь владельца металлургического комбината. Свадьба была пышной, в Доме приёмов. Надежда знала про Марка, но не хотела о нём слышать. Она мечтала о детях, но после травм в молодости не могла забеременеть. Злость перекинулась на мальчика, которого Валентин привёз в особняк к трём годам.

Осень 2000. Особняк в Подмосковье.

Марк сидел на чердаке в углу, обхватив колени. Ему было три с половиной, но он говорил плохо — только отдельные слова, которым научила его кухарка Анна. Анна, пожилая женщина с добрыми глазами, работала здесь с девяностых. Она гладила его по голове и шептала: «Ничего, маленький,

терпи».

Надежда ходила по дому как хозяйка. Она нарочно роняла тарелки, рассыпала муку, рвала документы на столе Валентина. А когда он возвращался с дежурства — теперь он уже был майором в полиции — она плаксиво жаловалась:

— Валя, твой сын опять устроил погром. Он неуправляемый. Я не могу одна.

Валентин, уставший и злой, брал нагайку, подаренную «авторитетными» партнёрами, и поднимался на чердак.

— Выходи, паршивец!

Марк, услышав шаги, забивался в угол. Анна пыталась остановить хозяина:

— Валентин Константинович, он ведь больной! У него сердце, астма...

— Заткнись, старуха, — рывкал Валентин. — Он должен знать своё место.

Визг нагайки, всхлипы ребёнка. Анна стояла под дверью и считала удары. После каждого такого «воспитания» она вызывала скорую, платила водителю из своего кармана, чтобы тот не докладывал в полицию. Марку увозили в больницу, накачивали преднизолоном, но через пару недель возвращали обратно.

Надежда в это время сидела в гостиной, смотрела «Санта-Барбару» и улыбалась, слушая крики сверху.

Конец 2004. Марку шесть лет.

Он уже научился мыть полы и чистить картошку — отчаянная попытка угодить мачехе, чтобы её «подставы» прекратились. Но каждый вечер Надежда находила повод. Она разбивала чашку и кричала:

— Опять твой урод! Смотри, что он сделал!

Валентин уже не проверял. Он устал, он пил, он хотел тишины. Нагайка входила в плоть снова и снова.

Однажды, когда Марка увезли в больницу с очередным приступом, Анна решилась. Она зашла в кабинет Валентина и сказала твёрдо:

— Вы не имеете права так с ним. Он — ваш сын. Он единственный, кто помнит Елену.

Валентин поднял голову. Впервые в его глазах мелькнуло что-то похожее на страх.

— Елена умерла. И Марк умрёт. Врачи сказали — до пяти лет. Ему уже шесть, — усмехнулся он. — Но он живуч. Только это и спасает его. И деньги, конечно. Без него я потеряю контроль над счетами.

— Тогда лечите его, — сказала Анна. — Купите ингалятор, оплатите операцию на сердце. У вас есть миллионы.

— Я не буду вкладываться в труп, — отрезал Валентин. — Пусть живёт пока. А ты не лезь.

Анна сжала кулаки. Она знала, что когда-нибудь Валентин перестанет сдерживаться. Но пока Марк дышал, Анна каждую ночь читала ему сказки, учила буквы, приносила сладкий чай, который успокаивал кашель. Она стала ему мате-

рю, сестрой и учителем в одном лице.

Февраль 2006. Марку почти девять.

Марк выжил — вопреки прогнозам. Сердце работало слабо, но он научился не бегать, не кричать, дышать размеренно. На чердаке он хранил зачитанные книжки, которые Анна выменивала у соседей. Он умел читать по слогам и даже писать печатными буквами.

Анна больше не боялась. Однажды она тихо сказала ему, когда они остались вдвоём:

— Марк, твоя мама любила тебя. Она умерла, но она хотела, чтобы ты жил.

— А папа? — спросил мальчик.

— Папа болен, — ответила Анна. — Но ты сильнее его.

Она не говорила, что однажды, когда Марк вырастет, он сможет забрать свои деньги и уйти. Она боялась, что Валентин прочтёт эти мысли.

Но каждый вечер, лёжа на жесткой кровати, Марк смотрел в щель на крыше, где виднелась звезда, и шептал:

— Я вырасту. Я уйду.

Анна и Марк — тихий диалог на кухне, 2006 год.

— Баба Аня, почему Надежда смеётся, когда я плачу? — спросил Марк, помешивая суп.

— Потому что она злая, Маркуша. Но не обращай внимания. Когда она смеётся, ты молчи. И дыши. Помнишь, как я учила?

— Глубоко вдох... выдох... — Марк закрыл глаза.

— Правильно. Ты справишься. А я всегда рядом.

Надежда и Валентин, вечер того же дня.

— Валя, ты видел, как он смотрит? Волчонок. Я боюсь, что он нас убьёт во сне, — говорила Надежда, поправляя бриллиантовое кольцо.

— Не смейся, — буркнул Валентин, читая бумаги. — Он даже нагайку не может держать. Он умрёт раньше, чем научиться ненавидеть.

— А ты уверен? Врачи говорили пять лет, а ему уже девять. Он живучий, как таракан. Может, пора его отправить в интернат? Или... — она сделала паузу.

— Нет, — отрезал Валентин. — Он мне нужен здесь. Пока он под крышей, его счета — мои. Ты забыла, на кого оформлен бизнес? Если он сдохнет в интернате, юристы всё заблокируют до выяснения. А мне это не нужно.

— Тогда хотя бы сделай так, чтобы он не выходил из своей комнаты, — процедила Надежда. — Мне противно смотреть на него.

— Уже, — усмехнулся Валентин. — Он из чердака не вылезает сам. Боится.

Надежда довольно улыбнулась и взяла пульт от телевизора.

Эпилог. Весна 2006.

Марк стоял у маленького окна на чердаке, глядя, как в саду распускаются первые цветы. Анна принесла ему таблетку

и стакан воды.

— Завтра приедет врач, — сказала она. — Я договори-
лась. Он посмотрит твоё сердце.

— Баба Аня, а если я умру, я увижу маму? — тихо спро-
сил Марк.

Анна присела на корточки и взяла его за руку.

— Ты не умрёшь, слышишь? Я не дам тебе умереть. Ты
— моя надежда. Понял?

Марк кивнул, и впервые за долгие годы улыбнулся. Он
спрятал улыбку в плечо Анны, чтобы Надежда не увидела.

А внизу, в гостиной, уже готовилась очередная подстава
— Надежда аккуратно разбила любимую вазу Валентина и
позвала мужа, крича:

— Валя! Твой сын снова безобразничает!

Но Марк не слышал. Он закрыл глаза и слушал, как стучит
его слабое сердце — стучит назло им всем.

Глава 2. Пять лет. «Настоящая жизнь»

Февраль 2003 года выдался лютым. Марк стоял у окна своей чердачной комнаты и смотрел, как ветер гонит позёмку по заснеженному саду. Ему только что исполнилось пять — Анна испекла маленький пирожок и задула свечу вместо него, потому что у него начался кашель. Он даже не успел загадать желание.

Внизу хлопнула дверь. Тяжёлые шаги отца прогрехотали по лестнице.

— Марк! Спускайся! Живо!

Мальчик вздрогнул. Голос отца не предвещал ничего хорошего, но он знал: послушаться нельзя. Он натянул старый шерстяной свитер, слишком большой, с чужого плеча, и на ватных ногах спустился в холл.

Валентин стоял у двери в новом чёрном пуховике, с ключами от джипа в руке. Рядом мялась Надежда — она недовольно поджала губы, но не сказала ни слова.

— Одевайся, — коротко бросил отец. — Едем в город.

Марк не спросил куда. Он знал, что вопросы раздражают. Анна, выбежавшая из кухни, быстро намотала ему на шею шерстяной шарф, слишком длинный — он свисал почти до

колен.

— Держись, Маркушка, — шепнула она, поправляя воротник. — Только молчи и смотри по сторонам.

В машине было тепло и пахло кожей. Марк сидел на заднем сиденье, утопая в мягкой обивке, и смотрел на серые панельные дома, сменяющиеся высотками. Москва. Он слышал это слово, но никогда не видел её такой — огромной, шумной, чужой.

Валентин поглядывал на него в зеркало заднего вида. Его лицо было спокойным, даже довольным.

— Смотри, сын. Это город, где ты будешь жить. Столица. У тебя есть деньги, статус. Тебя будут уважать.

Марк молчал. Слово «уважать» было для него пустым звуком. В его мире уважение означало лишь одно: если ты не шумишь, не просишь, не пачкаешь ковёр — то отец не берёт нагайку. Но иногда нагайка приходила без причины.

— Ты меня слышишь? — голос отца стал резче.

— Да, папа, — прошептал Марк.

— Повтори, что я сказал.

— Ты сказал, что меня будут уважать.

— Правильно. А что для этого нужно?

Марк задумался. Он знал, что нужно быть тихим, не смотреть Надежде в глаза, не плакать, когда больно. Но он не мог сложить это в слова.

— Ну? — Валентин раздражённо стукнул ладонью по ру-

лю. — Я жду!

— Нужно... не мешать, — выдохнул Марк.

Валентин рассмеялся — сухо, безрадостно. Этот смех Марк научился распознавать: либо отец в хорошем настроении, либо готовится к жестокости. Сегодня повезло.

— Не мешать, — повторил Валентин, качая головой. — Умный мальчик. Только вот Надежда считает, что ты портишь ей жизнь. Ты понимаешь, что это неправильно? Ты — мой сын, а не её.

Марк не ответил. Он не понимал, почему Надежда злится на него, хотя он старается быть невидимым. Он даже не спускался в гостиную без разрешения.

— Надежда... — начал он, но осекся от резкого торможения.

— Что Надежда? — голос отца стал ледяным. — Ты будешь говорить о мачехе с уважением. Если она скажет, что ты разбил чашку — значит, ты разбил. Если скажет, что украл — значит, украл. Я понял?

Марк кивнул. Внутри что-то сжалось, как будто кто-то сдавил его маленькое сердце. Он знал: в этом доме только одно правило — слова отца закон, а его слова пустой звук.

Когда они вернулись, Надежда ждала их в холле с бокалом красного вина. Она окинула Марка цепким взглядом.

— Ну что, оболтус, — протянула она с притворной лаской. — Хорошо покатался?

Марк стоял, опустив глаза.

— Я с тобой разговариваю, — голос стал острым, как лезвие.

— Да, мама, — выдавил он.

— Что тебе папа сказал?

— Сказал, что нужно уважать... — Марк запнулся, забыв слово.

— Уважать? — Надежда наклонилась к нему. — Будь добрым, тихим, незаметным. И знаешь что? Я всё равно найду способ сделать тебе больно, потому что ты — напоминание о том, чего я никогда не смогу иметь. И я ненавижу тебя за это. Каждый день.

Она схватила его за подбородок, заставляя поднять голову.

— Повтори.

— Вы меня ненавидите, — прошептал Марк.

— Правильно. Ты — ошибка. Грязь под моими ногами. И если бы не твой отец, я бы вышвырнула тебя на улицу.

Она отпустила его и ушла в гостиную. Марк остался стоять, чувствуя, как слёзы подступают к горлу, но он не заплакал — нельзя. За истерику — нагайка.

Из кухни выбежала Анна. Она присела перед ним, обняла.

— Маркушка, ты что такой бледный? Опять она?

Он кивнул. Анна гладила его по голове, пахнущая мукой и добротой.

— Ничего, милый. Господь всё видит. Ты только молись,

чтобы она успокоилась.

— Она сказала, что ненавидит меня, — выдохнул Марк.

— А я тебя люблю, — Анна поцеловала его в макушку. — Ты сильный, Маркушка. Самый сильный, которого я знаю.

Глава 3. Шесть-семь лет. Школьный ад

Когда Марку исполнилось шесть, Валентин решил, что пора отправлять его в школу — не в престижную гимназию, а в обычную муниципальную, рядом с районом.

— Пусть знает, что такое жизнь, — бросил он за ужином.

— Отличная идея, — улыбнулась Надежда, не глядя на Марка.

Первый день в школе стал катастрофой. Марк стоял в коридоре с огромным портфелем, глядя на мелькающих детей. Они смеялись, толкались, кричали. Он чувствовал себя инопланетянином.

— Ты новенький? — подошла девочка с двумя хвостиками.

— Да, — ответил он.

— Как тебя зовут?

— Марк.

— А я Катя. Хочешь дружить?

— Я не умею дружить, — честно сказал он.

Катя удивилась:

— Как это? Это просто. Играешь, делишься, разговариваешь. Например, как твои родители?

Марк сжался. Это был самый страшный вопрос.

— Они... хорошие, — пробормотал он.

— А что они делают?

— Папа полицейский, мама дома.

— А почему ты такой бледный? Ты болен?

Марк не знал, что ответить. Он не мог сказать про астму, про побои, про ночные кошмары. Он просто сжал лямки портфеля и замолчал.

— Ладно, — Катя пожала плечами. — Если хочешь, приходи на перемене, я покажу столовую.

Она убежала. Марк пошёл в туалет, заперся в кабинке, сел на пол и заплакал — беззвучно, как дома. Потом достал ингалятор, который Анна положила в карман, сделал два вдоха и посмотрел на себя в зеркало. Красные глаза, бледное лицо.

— Ты можешь, — прошептал он. — Ты должен.

Через неделю учительница позвонила Валентину. Марка вызвали в кабинет отца.

— Садись, — Валентин указал на стул. — Говорят, ты ведёшь себя странно. Не общаешься, сидишь в туалете. Что с тобой?

— Я не знаю, — ответил Марк.

— Ты что, идиот? Ты мой сын! Ты должен быть сильным!

— Я стараюсь, — прошептал Марк.

— Тогда почему ты тряпка? Почему не можешь быть как все?

Валентин замахнулся, но в дверь постучали — вошла Ан-

на с подносом чая.

— Извините, Валентин Сергеевич, я подумала, вы захотите чаю, — сказала она, ставя поднос.

Валентин опустил руку.

— Убирайся, — бросил он Марку. — Чтобы завтра жалоб не было.

Марк выбежал. На кухне Анна дала ему тёплого молока с мёдом.

— Знаешь, Маркушка, ты должен постараться. Дети не злые. Просто другие.

— Я боюсь, — признался он.

— Я знаю. Но если будешь бояться всю жизнь, ты не сможешь жить.

Марк кивнул. Он не понимал, как можно не бояться, но он верил Анне.

Со временем он научился отвечать на вопросы и улыбаться, носить маску «нормального» ребёнка. Это было тяжело, но маска помогала выжить.

Глава 4. Восемь лет. Котёнок

Когда Марку исполнилось восемь, Надежда затеяла новую игру. Она заметила, что мальчик стал холоднее, замкнутее, и это её раздражало. Она хотела видеть его полностью сломленным.

Однажды, когда Валентин был на дежурстве, Надежда спустилась на кухню, где Марк помогал Анне мыть посуду.

— Марк, иди в гостиную. У меня для тебя сюрприз.

Марк вздрогнул. «Сюрприз» в этом доме никогда не значил ничего хорошего. Но он пошёл.

В гостиной на полу стояла клетка, накрытая тканью. Надежда сняла её — внутри сидел маленький рыжий котёнок.

— Это тебе, — сказала она с фальшивой улыбкой. — Чтоб не был таким одиноким.

Марк не верил глазам. Котёнок был тёплым, мяукающим. В груди что-то перевернулось — надежда. Глупая, иррациональная.

— Можно его погладить? — спросил он, боясь поверить.

— Конечно, он твой.

Марк взял котёнка на руки. Маленькое тельце дрожало, но котёнок ткнулся носом в ладонь и замурлыкал.

— Спасибо, — выдохнул Марк.

— Не благодари, — ледяным тоном ответила Надежда.

Три недели котёнок жил у него на чердаке. Марк на-

звал его Рыжиком, кормил, поил молоком, разговаривал с ним. Анна помогала ухаживать. Марк почти чувствовал себя счастливым.

Но однажды утром он проснулся и не услышал мурлыканья. Рыжик лежал неподвижно, холодный. Марк закричал. Он схватил тельце и побежал вниз.

— Он умер! — кричал он, размазывая слёзы. — Кто-то убил его!

Валентин поднял голову от газеты:

— Успокойся, это всего лишь кот. Кошкидохнут.

— Нет! — Марк перевёл взгляд на Надежду. Она сидела с чашкой чая и улыбалась. — Это ты!

— Что ты говоришь, мальчик? — она наклонила голову. — Как ты смеешь обвинять меня?

— Ты хотела сделать мне больно! Ты дала мне его, чтобы потом убить!

— Довольно! — Валентин встал, опрокинув стул. — Как ты смеешь так говорить о матери?

— Она не мать! — закричал Марк. — Она монстр!

Валентин схватил его за ворот пижамы:

— Извинись сейчас же, или будешь наказан.

— Нет! Это она убила его!

Валентин пошёл за нагайкой. Марк стоял, прижимая мёртвого котёнка, и смотрел на Надежду. Она прошептала:

— Ты проиграл, мальчик. Всегда будешь проигрывать.

Порка была жестокой. Валентин бил по спине, ногам, ру-

кам. Марк лежал на полу и не плакал. Внутри всё оборвалось. Он не чувствовал ничего, кроме пустоты.

Анна нашла его позже, когда Валентин ушёл, а Надежда уехала. Она сидела рядом, гладила по голове и плакала.

— Прости, Маркушка. Прости, что не защитила.

Марк смотрел в потолок:

— Анна, почему я родился? Если меня никто не любит?

Анна обняла его крепче:

— Ты родился для жизни. Чтобы однажды уйти отсюда. Ты должен выжить.

Он не ответил.

Глава 5. Девять-десять лет. Смерть Анны

После смерти Рыжика Марк замкнулся окончательно. Он перестал разговаривать с Надеждой, даже когда она обращалась к нему. В школе сидел на задней парте и смотрел в стену. Учителя махнули рукой.

Надежда продолжала свои игры: била посуду, пачкала ковры, подставляла Марка. Каждый вечер Валентин, уставший с работы, устраивал «воспитание».

— Марк, подойди, — говорил он, показывая разбитую вазу.

Марк подходил, опустив голову.

— Ты разбил?

— Да, папа.

— Почему?

— Нечаянно, — врал Марк.

— Зачем ты входил в гостиную?

— Хотел посмотреть телевизор, — хотя он не смотрел его уже годами.

Валентин тащил его на чердак, и Марк не сопротивлялся. Он просто ждал, пока закончится.

Анна пыталась защищать, но её слова не имели веса. Однажды она слишком настойчиво попросила пощады, и Ва-

лентин закричал:

— Замолчи, старая! Не лезь!

Анна уходила в свою комнату и плакала в подушку.

Ночью, когда Марку было девять, у него случился сильный приступ астмы. Ингалятор был пуст. Он спустился на кухню, но Анны там не было. Он пошёл в её каморку — она лежала на кровати бледная, холодная.

— Анна, — прошептал он, коснувшись её руки. — Анна! Она не дышала.

Марк закричал. Прибежал Валентин, сонный, злой:

— Что?

— Анна умерла! — кричал Марк.

Валентин заглянул в комнату, нахмурился:

— Ступай к себе.

— Нет! Вызови врача!

— Я сказал — ступай! — оттолкнул его.

Марк упал на пол. Пришла Надежда, окинула взглядом:

— Что здесь?

— Анна умерла, — сказал Валентин. — Вызову санитаров.

— И этого отправь на чердак, пусть сидит, — Надежда указала на Марка.

Марк не помнил, как поднялся. Он лежал на кровати и смотрел в потолок. Анна ушла. Единственный человек, который любил его, умер. Он остался совсем один.

Наутро Валентин запретил ему выходить из комнаты. Еду

приносила новая кухарка, Зоя — молчаливая, безразличная. Марк заболел: кашель, температура, одышка. Врач прописал таблетки и сказал, что нужен свежий воздух. Валентин кивнул, но ничего не изменил. Марк лежал и считал дни.

Глава 6. Одиннадцать лет. Последняя вспышка

К одиннадцати годам Марк вырос, стал худым и бледным. Его глаза смотрели на мир холодно. Он почти не чувствовал страха.

Однажды вечером, когда Валентин был в командировке, а Надежда ушла на вечеринку, Марк решил спуститься в гостиную. Он не был там годами. Что-то толкнуло его — может, тоска по прошлому, по Анне.

Он стоял у камина, рассматривая дорогие вещи, когда услышал, как открывается дверь. Надежда вернулась рано, глаза мутные от алкоголя.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, пошатываясь.

— Стою, — ответил он.

— Стоишь? — она рассмеялась. — Ты не смеешь находиться в этой комнате. Убирайся!

Он повернулся, чтобы уйти, но она схватила его за руку.

— Я не сказала, что можно уйти!

Он остановился. Её пальцы впились в кожу, было больно, но он не дрогнул.

— Отпусти, — сказал он тихо.

— Что? — она удивилась тону.

— Отпусти, Надежда.

Она замерла. Он назвал её по имени, без «мама», без страха. В его голосе была угроза.

— Как ты смеешь? — она замахнулась, чтобы ударить.

Марк перехватил её руку.

— Не делай этого. Теперь ты не сможешь мне навредить. Мне всё равно. Анна умерла, единственный человек, который был мне дорог, — мёртв. Мне нечего терять.

Надежда смотрела на него и видела не того мальчика, что плакал и просил прощения. Она видела чужого, холодного, опасного.

— Ты ненормальный, — прошептала она, отступая.

— Возможно, — сказал Марк. — Но ты сделала меня таким.

Он развернулся и ушёл на чердак.

Сев на кровать, он посмотрел в окно на падающий снег. В голове мелькнула мысль: «Если прыгнуть, я умру или стану калек?» Но тут же пришло другое: он хочет жить. Не потому, что есть что-то хорошее, а чтобы увидеть, что будет дальше. Сможет ли он когда-нибудь вырваться?

Он лёг и закрыл глаза. Завтра будет новый день. Но внутри зажёгся крошечный огонёк, который не могли погасить ни Надежда, ни нагайка, ни смерть Анны. Он выживет. Он должен.

Я переписал весь предоставленный фрагмент — от появления гувернёра до его отъезда — в едином художественном ключе. Исправил логические нестыковки (возраст Мар-

ка, мотивация Надежды, последовательность событий), усилил психологизм, сделал диалоги более живыми и естественными, а стиль — плотным и драматичным.

Глава 7. Учитель

Это случилось в субботнее утро, когда Марк, по обыкновению, сидел на чердаке, перелистывая потрёпанный учебник географии, который когда-то принесла ему Анна. За окном кружил редкий снег, в комнате было холодно, и мальчик кутался в старый шерстяной плед. Снизу доносились приглушённые голоса. Он сразу понял: в доме чужой. Валентин был на дежурстве, голос Надежды он узнал бы из тысячи, а этот — низкий, сухой, незнакомый — звучал в гостиной уже минут десять.

Марк насторожился. Он привык к тишине, к тому, что его существование игнорируют. Любое нарушение порядка было угрозой. Он бесшумно подошёл к двери, приоткрыл её на щелочку и прислушался.

— ...очень замкнутый мальчик, — говорила Надежда тем приторно-заботливым тоном, который включала для посторонних. — Почти не говорит, не учится, совершенно не социализирован. Мы с мужем переживаем, но у нас нет времени им заниматься. Поэтому мы ищем профессионала, который сможет не только дать ему образование, но и... ну, вы понимаете, — она сделала паузу, — воспитать его как следует.

— Понимаю, — ответил мужской голос. Безэмоциональный, сухой, словно его обладатель давно разучился выражать

чувства. — Каковы ваши ожидания?

— Чтобы он стал человеком, — сказала Надежда. — Чтобы перестал быть тенью, научился вести себя в обществе, говорить правильно, не позорил нас. И, разумеется, хорошо учился.

— Что вы можете сказать о его уровне знаний?

Надежда рассмеялась — коротко, нервно.

— Он почти неграмотный. Читает по слогам, пишет с ошибками, ничего не знает об истории, математике... В общем, сами увидите. Но предупреждаю: он упрямый, молчаливый, иногда дерзкий. Не надейтесь на быстрые успехи.

— Я не питаю иллюзий, — ответил голос. — Я хочу встретиться с ним.

— Конечно. Я сейчас позову.

Марк отпрянул от двери. Сердце забилося чаще, в груди засвистело — приближался приступ. Он сунул руку в карман, но ингалятора не было: он оставил его на тумбочке.

— Марк! — голос Надежды пронёсся снизу. — Спускайся немедленно!

Он стоял не двигаясь. Мысли путались: *«Зачем? Кто это? Что им от меня нужно?»* Он не хотел спускаться. Хотел забиться в угол, исчезнуть.

— Я сказала — спускайся! — голос стал резче. — Ты слышишь меня?

Марк медленно открыл дверь и начал спускаться по узкой лестнице. Ноги дрожали, дыхание сбивалось. Он чувствовал

себя зверьком, которого гонят на убой.

В гостиной Надежда сидела в кресле с чашкой кофе, а у камина стоял мужчина — высокий, худощавый, с прямой спиной и коротко стриженными седыми волосами. Строгий костюм, военная выправка. Он повернулся, и Марк встретился с парой холодных серых глаз, рассматривавших его с той же отстранённостью, с какой рассматривают экспонат.

— А вот и он, — сказала Надежда с улыбкой, не коснувшейся глаз. — Марк, подойди.

Марк сделал несколько шагов и замер, опустив глаза в пол — привычная защита.

Мужчина шагнул вперёд. Лицо его было сухим, изрезанным морщинами, с чётко очерченной челюстью и тонкими сжатыми губами. Он не улыбался, не выражал эмоций — только лёгкое прищушивание, говорившее, что он делает выводы.

— Здравствуй, — сказал он ровно. — Меня зовут Виктор Степанович. Я твой новый гувернёр.

Марк молчал. Слова застряли в горле.

— Отвечай старшим, когда с тобой здороваются, — вмешалась Надежда.

— Здравствуйте, — выдавил Марк почти беззвучно.

— Громче, — приказал Виктор Степанович.

Марк вздрогнул — тон был резким, не терпящим возражений, и это напомнило ему отца.

— Здравствуйте, — повторил он громче.

— Хорошо. Теперь я хочу поговорить с тобой наедине. Ты согласен?

Марк бросил взгляд на Надежду. Та кивнула с едва заметной усмешкой.

— Иди за мной, — сказал Виктор Степанович и направился в кабинет Валентина.

В кабинете он сел за дубовый стол, указал Марку на стул напротив.

— Сядь.

Марк сел, спрятав дрожащие руки под стол.

— Скажи, Марк, — начал Виктор Степанович, скрещивая пальцы на столе. — Ты знаешь, зачем я здесь?

Марк покачал головой.

— Я здесь, чтобы учить тебя. Давать знания. Но не только. Я здесь, чтобы сделать из тебя человека. Ты понимаешь, что это значит?

Марк снова покачал головой.

— Судя по тому, что я услышал от твоей мачехи, ты не умеешь ни читать, ни писать, ни считать. Ты не знаешь элементарных вещей. Ты живёшь как дикарь. Это недопустимо для человека твоего возраста и положения.

Марк молчал, но внутри поднималась обида: *«Она наврала. Я умею читать. Анна научила. Я не дикарь»*. Но он боялся говорить.

— Ты меня слушаешь? — голос стал жестче.

— Да, — прошептал Марк.

— Отвечай полным голосом. Я не терплю шепотов.

— Да, — сказал Марк громче, но внутри всё сжалось.

— Значит, так. Я буду приходить каждый день, кроме воскресенья, с девяти до пяти. В это время ты занимаешься со мной: чтение, письмо, математика, история, география, языки. Ты будешь делать всё, что я скажу. Если не справишься — будешь наказан. Это понятно?

Марк кивнул.

— Я спросил: понятно ли тебе?

— Да, — ответил Марк, чувствуя, как голос дрожит.

— Отлично. Завтра в девять я здесь. Приготовь тетради и ручку. Если их нет — скажи мачехе.

Виктор Степанович встал, давая понять, что разговор окончен. Марк поднялся, но у двери задержался.

— Можно спросить? — осмелился он.

— Спрашивай.

— Вы... вы будете меня бить?

Повисла тишина. Виктор Степанович посмотрел на него с непроницаемым лицом.

— Я никогда не быю учеников, — сказал он холодно. — Но я могу быть очень строгим. Есть другие способы заставить работать. Иди.

Марк выбежал, взлетел на чердак, закрыл дверь и прислонился к ней спиной, переводя дыхание. Сердце колотилось, в груди снова засвистело. Он нашёл ингалятор, сделал два вдоха и сел на пол, обхватив колени.

«Он хуже всех, — подумал Марк. — Такой же, как Валентин, только умнее. Он будет мучить по-новому».

Но где-то глубоко мелькнула крошечная искра: *«Он сказал, что не бьёт»*.

Ровно в девять утра раздался звонок. Марк стоял на чердаке, слышал, как Зоя открывает дверь, как снимают пальто, как шаги Виктора Степановича поднимаются по лестнице. Через мгновение раздался стук.

— Войдите, — сказал Марк тихо, потом вспомнил приказ и повторил громче: — Войдите!

Виктор Степанович вошёл, окинул комнату быстрым взглядом. Маленькая, почти пустая: узкая кровать, старый письменный стол, стул, несколько книг на подоконнике, потёртый ковёр на стене, повешенный Анной для тепла.

— Это место, где ты живёшь? — в голосе гувернёра мелькнуло удивление.

— Да.

— Почему не в нормальной комнате на втором этаже?

Марк не знал, что ответить. Не рассказывать же, что Надежда выгнала его сюда в пять лет.

— Мне здесь удобно, — сказал он.

Виктор Степанович ничего не ответил, но глаза его чуть прищурились. Он сел за стол, указал Марку на стул напротив.

— Садись. Покажи, что умеешь.

Он достал из портфеля листы бумаги, ручку и положил

перед Марком.

— Напиши своё имя.

Марк взял ручку. Анна когда-то учила его писать. Он вывел неровными, но разборчивыми буквами: МАРК.

— Хорошо, — констатировал Виктор Степанович. — Теперь фамилию.

Марк написал: ИВАНОВ (фамилия Валентина, хотя он знал, что настоящая фамилия матери была другой, но он никогда её не слышал).

— Прочитай этот текст, — гувернёр протянул лист с напечатанным отрывком.

Марк начал читать медленно, запинаясь на сложных словах, по слогам, как учила Анна. «В... ве... чером... со... лнце... се... ло... за... го... ри...» — запнулся на слове «горизонт».

— Дальше, — сказал Виктор Степанович.

— «За... го... ри... зонт», — прочитал Марк, но почувствовал, что произнёс неправильно.

— Горизонт, — поправил гувернёр. — Ты не знаешь, что это?

— Это линия, где небо встречается с землёй, — вспомнил Марк слова Анны.

— Правильно. Но почему ты читаешь по слогам? Не умеешь бегло?

— Не умею.

— Кто тебя учил?

— Анна, — голос Марка дрогнул.

— Анна — это кухарка?

— Да, — тихо сказал Марк. — Она умерла.

Виктор Степанович на мгновение замолчал.

— Мне жаль, — произнёс он без сочувствия, просто констатируя факт. — Теперь дай руку.

Марк не понял, но подчинился. Виктор Степанович взял его ладонь, перевернул, осмотрел. Пальцы были холодными и сухими.

— У тебя синяк на запястье. Откуда?

Марк отдёргнул руку, испугавшись.

— Я упал, — быстро сказал он.

— Упал, — повторил Виктор Степанович с лёгкой насмешкой. — Ты часто падаешь? Я заметил ещё синяк на шее, на левом предплечье и, вероятно, на спине. Ты падаешь с лестницы?

Марк залился краской. Он привык, что никто не замечает его синяков.

— Я неуклюжий, — выдавил он.

— Неуклюжий, — повторил Виктор Степанович, и в голосе появились ледяные нотки. — Будем считать. А теперь начнём занятие.

Он открыл учебник по русскому языку.

— Сегодня — алфавит. Ты знаешь его?

— Да.

— Тогда назови буквы по порядку.

Марк начал: «А, Б, В, Г, Д...» — но на букве «Ё» запнулся, потому что никогда не слышал, чтобы о ней говорили от-дельно.

— Что такое «Ё»? — спросил Виктор Степанович.

— Это... буква, — неуверенно сказал Марк.

— Правильно. Почему запнулся?

— Я не знал, что она есть, — честно признался Марк.

— Есть. И ты будешь её знать. В русском языке тридцать три буквы. Выучишь все. Сегодня — порядок. Десять минут, потом спрошу.

Он открыл книгу и углубился в чтение, игнорируя Марка. Марк смотрел на страницу, но мысли крутились вокруг си-няков: «Зачем ему это? Он расскажет Надежде? Или отцу?» Он решил быть ещё осторожнее — носить рубашки с длин-ным рукавом даже летом.

Через десять минут Виктор Степанович закрыл книгу.

— Называй.

Марк справился: «А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я». На «Ъ» и «Ы» сбивался, но в целом вытянул.

— Хорошо. Теперь напиши все буквы по порядку.

Марк писал старательно, выводя каждую. Гувернёр по-правлял: «„Ж“ похожа на „К“», «„Я“ зеркально, смотри сю-да». К концу часа Марк чувствовал себя выжатым, но впер-вые за долгое время испытал что-то вроде удовлетворения.

— На сегодня достаточно, — сказал Виктор Степанович.

— Завтра повторим алфавит и начнём читать слоги. Домашнее задание: написать каждую букву десять раз, аккуратно.

Марк кивнул. Гувернёр собрался и уже у двери обернулся:

— Ты понял, что я требую?

— Да, — сказал Марк.

— Что именно?

— Аккуратность и дисциплину.

— Правильно. Если будешь работать хорошо — не буду ругать. Плохо — буду. Запомни: я не друг, я учитель.

Он вышел, и Марк остался один. Он смотрел на свои неровные буквы и думал: *«Он странный. Не злой, но холодный, как лёд. И ничего обо мне не знает»*.

Прошла неделя. Виктор Степанович приходил ровно в девять, уходил в пять. Марк привык к его голосу, манере сидеть прямо, резким замечаниям. Но страх оставался.

Каждое утро на кухне он слышал разговоры Надежды с Зоей:

— Ну что, мучает его этот наставник? — спрашивала Надежда.

— Не знаю, — отвечала Зоя. — Строгий, но мальчик не жалуется.

— Жаль, — вздыхала Надежда. — Я думала, этот тип будет его пороть. Выглядит как палач.

Марк сжимал зубы и шёл к себе. Он понимал, что Надежда надеялась на жестокость гувернёра, чтобы наслаждаться его страданиями. Но пока Виктор Степанович обходился без

физической силы — только требовательностью.

Однако на шестой день случился конфликт.

Они решали арифметику: «У Пети 5 яблок, у Васи — 3. Сколько вместе?» Марк легко ответил: «8». Но Виктор Степанович спросил:

— Как получил 8?

Марк растерялся. Он просто сложил в уме, как учила Анна — на пальцах.

— Запиши решение, — сказал гувернёр. — Все шаги, не только ответ.

— Я не знаю, как записать, — признался Марк.

— Ты должен знать, — голос стал резким. — Я объяснял вчера сложение в столбик. Ты не слушал?

— Я слушал, но... — начал Марк.

— Никаких «но». Перепиши и реши правильно.

Марк взял ручку, пальцы дрожали, он ошибся в разрядах. Виктор Степанович взглянул и холодно бросил:

— Неверно. Ты не понимаешь десятков и единиц? Я говорил сто раз! Ещё раз.

Марк попытался снова, опять ошибся. Тогда Виктор Степанович встал, взял тетрадь и порвал лист.

— Ты не хочешь учиться! — сказал он ледяным тоном. — Ты притворяешься глупым, чтобы я отстал. Но я не уйду. Я буду мучить тебя каждый день, пока не сделаешь как надо.

Марк почувствовал, как слёзы подступают к глазам. Он не плакал при Анне, не плакал при отце, но сейчас не выдержал

— слёзы покатались по щекам. Он закусил губу, чтобы не зарыдать.

Виктор Степанович замер. Посмотрел на плачущего мальчика, и его лицо на мгновение потеряло холодную маску. Он сел обратно, заговорил тише:

— Что с тобой? Почему ты плачешь?

— Я не хочу учиться, — всхлипнул Марк. — Я не могу. Я глупый. Все говорят.

— Кто говорит?

— Все. Надежда, Валентин, учителя.

— Я вижу, что ты не глупый, — сказал Виктор Степанович, и в голосе появились неожиданно мягкие нотки. — Ты быстро схватываешь, но боишься ошибок. Ты боишься меня, да?

Марк кивнул, не поднимая глаз.

— Чего именно?

— Что вы ударите меня, — прошептал он. — Как отец.

Наступила долгая пауза.

— Я не буду тебя бить, — сказал Виктор Степанович. — Но могу быть жёстким. Я требую того, что ты можешь дать. Если не можешь — злюсь, потому что думаю, что не стараешься. Может, я ошибался.

Марк поднял глаза. Гувернёр смотрел на него с выражением, которое он не мог расшифровать. Не злость, а что-то другое — возможно, сожаление.

— Скажи, Марк, — тихо спросил он. — Ты хочешь че-

му-то научиться?

— Не знаю, — честно ответил Марк.

— А что ты хочешь?

— Чтобы меня оставили в покое. Чтобы не били. Чтобы Надежда перестала ненавидеть.

— Надежда тебя ненавидит?

— Да, — выдохнул Марк, и впервые решился сказать правду. — Она всегда подставляет меня отцу. Говорит, что я сломал вещи, хотя я даже не трогал. Она заставляет отца бить нагайкой. Она хотела убить моего котёнка. И убила.

Голос сорвался, Марк заплакал навзрыд, выплёскивая всё, что копилось годами: страх, боль, отчаяние. Виктор Степанович не перебивал, сидел неподвижно, слушая. На лице не было ни жалости, ни отвращения — только серьёзность.

Когда Марк затих, вытирая слёзы рукавом, губернёр медленно произнёс:

— Я многого не знал. Спасибо, что сказал.

— Вы расскажете им? — с ужасом спросил Марк.

— Нет, — ответил Виктор Степанович. — Это останется между нами. Но я хочу, чтобы ты понял: я здесь не мучить тебя, а дать оружие. Знания — это оружие. С ними ты сможешь уйти отсюда, стать независимым, перестать бояться.

— Как? — спросил Марк, впервые почувствовав искреннее любопытство.

— Я покажу. Но для этого ты должен довериться мне, позволить учить, даже когда трудно, перестать бояться ошибок.

Ты согласен?

Марк колебался. Он не знал, можно ли верить этому человеку. Но внутри что-то ёкнуло: «Попробуй. Хуже не будет».

— Да, — сказал он. — Согласен.

Виктор Степанович кивнул и вернулся к учебнику.

— Тогда начнём сначала. Объясни, как ты складываешь в уме, а я покажу, как записать.

Прошёл месяц. Марк заметно продвинулся: читал почти без запинок, писал грамотнее, осваивал таблицу умножения. Отношения с Виктором Степановичем оставались натянутыми — гувернёр по-прежнему был холоден, редко хвалил, часто критиковал. Но в критике не было злобы, только требовательность.

Однажды на уроке истории зашла речь о Великой Отечественной войне. Марк спросил:

— У вас кто-то воевал?

Виктор Степанович замолчал. Лицо окаменело, и на несколько секунд повисла тишина.

— Мой дед, — сказал он наконец. — Погиб под Сталинградом. Мне было шесть, когда он ушёл. Почти не помню.

— Вы его любили? — спросил Марк.

Гувернёр резко посмотрел на него, и Марк испугался, что переступил границу. Но Виктор Степанович ответил:

— Да. Он был единственным, кто меня понимал. Родители были заняты: отец пил, мать работала. Дед брал на рыбалку, рассказывал истории, учил читать. Когда он умер, я

остался один.

Марк удивился — впервые услышал в голосе гувернёра боль.

— А потом? — спросил он.

— Потом школа, — сказал Виктор Степанович. — Меня дразнили, били. Я был маленьким, слабым, заикался. Учителям было всё равно. Я научился давать сдачи, но это не помогало. Ушёл из школы, поступил в училище. Там научили быть жёстким. С тех пор я такой.

— Поэтому вы такой... — Марк запнулся.

— Холодный? — закончил Виктор Степанович. — Да. Я научился не показывать чувств — они делают уязвимым. Люди пользуются слабостью. Я не хочу, чтобы ты повторил мою ошибку.

— Но вы рассказали мне про деда.

— Потому что ты спросил. И потому что я доверяю тебе, — сказал Виктор Степанович, и в голосе послышалась искренность. — Ты страдаешь, но не сдаёшься. Ты боишься, но идёшь вперёд. Это вызывает уважение.

Марк не знал, что ответить. Внутри разливалось странное тепло. Кто-то впервые сказал, что он вызывает уважение.

— Спасибо, — прошептал он.

— Не благодари, — снова став сухим, ответил гувернёр. — Лучше реши следующее уравнение.

Однажды, когда Виктор Степанович уже собирался уходить, в коридоре он столкнулся с Надеждой. Она стояла, при-

слонившись к стене, с фальшивой улыбкой.

— Ну как успехи, Виктор Степанович? — спросила она.
— Ваш ученик стал лучше?

— Да, он делает успехи.

— Я рада, — сказала она, но в голосе не было радости. —
А то я боялась, что он безнадёжен. Такой слабый, неуклюжий, вечно в кого-то врежется. На днях опять разбил вазу в гостиной. Муж был очень зол.

Виктор Степанович остановился, посмотрел на неё пристально.

— Вы уверены, что это он?

— Конечно, — Надежда рассмеялась. — А кто же ещё?
Мы были наверху, он один в гостиной.

— Интересно, — сказал гувернёр ледяным тоном. — Потому что в то время, о котором вы говорите, я занимался с ним в его комнате. Мы решали математику. Значит, вы ошиблись или пытаетесь его подставить. Я не знаю, зачем вы это делаете, но советую прекратить. Если узнаю, что вы снова обвиняете его ложно, я буду вынужден сообщить вашему мужу о ваших методах воспитания.

Надежда вскинула голову:

— Вы угрожаете мне?

— Нет, — сказал Виктор Степанович. — Предупреждаю.
Я не потерплю несправедливости к моему ученику.

Он развернулся и вышел, оставив Надежду стоять с открытым ртом. Марк, слышавший всё с лестницы, смотрел

широко раскрытыми глазами. Гувернёр защитил его.

С того дня Надежда перестала открыто подставлять Марка. Она продолжала игнорировать его, но спектаклей больше не устраивала. Валентин, заметив, что сын стал спокойнее и лучше учится, тоже ослабил агрессию.

Через полгода занятий Марк стал совершенно другим. Он хорошо читал, грамотно писал, решал задачи, начал учить английский. Перестал сутулиться, смотреть в пол, стал менее бледным. Однажды, когда Виктор Степанович ушёл, забыв портфель, Марк отнёс его в прихожую и заметил, что из кармана торчит уголок старой фотографии. Он вытащил её — чёрно-белое фото мальчика лет десяти, удивительно похожего на гувернёра, обнимающего старого мужчину. На обороте было написано: «Витя и дедушка», и ниже: «Помни: ты сильный. Ты справишься. Я всегда с тобой».

Марк аккуратно положил фото обратно. На следующий день, когда они делали перерыв, он спросил:

— Виктор Степанович, вы верите, что человек может измениться?

Гувернёр поднял бровь:

— Ты уже изменился. К чему вопрос?

— Я не про себя, — сказал Марк. — Вы говорили, что стали жёстким, чтобы защитить себя. Но вы помогаете мне. Значит, внутри вы не такой.

Виктор Степанович долго молчал, потом ответил тихо:

— Ты прав. Я научился носить маску. Иногда она прирас-

тает к лицу. Я не умею быть мягким, говорить тёплые слова. Но я умею делать дело — учить, защищать. И я хочу, чтобы ты знал: ты не один. Я рядом, пока не станешь достаточно сильным, чтобы идти дальше сам.

Марк посмотрел ему в глаза — в них блеснули слёзы благодарности.

— Спасибо, — сказал он без страха, искренне.

— Работай, — ответил Виктор Степанович, отворачиваясь. — У нас ещё много уроков.

Прошёл ещё год. Марку исполнилось двенадцать. Он уже не был тем запуганным ребёнком, что прятался на чердаке. Он стал учеником, который гордился знаниями. Он научился читать не только книги, но и людей, понимал, что за холодностью Виктора Степановича скрываются боль и глубокая доброта.

Однажды после занятия гувернёр сказал:

— Завтра я уезжаю. Работа в другом городе. Но я оставлю адрес и телефон. Если нужна будет помощь — звони.

Марк почувствовал, как в груди сжалось. Он не хотел терять единственного человека, который был на его стороне.

— Вы вернётесь? — спросил он.

— Возможно, — сказал Виктор Степанович. — Но даже если нет — я знаю, что ты справишься. Ты сильный, Марк. Справишься.

Он протянул руку, и Марк пожал её — твёрдое, сухое, но тёплое рукопожатие.

Когда гувернёр ушёл, Марк подошёл к окну. За окном кружил снег, серый день клонился к вечеру. В душе была пустота, но не отчаяние. Он чувствовал уверенность, которой не было раньше.

«Я не сдамся, — подумал он. — Выживу. Стану сильным. И однажды уйду отсюда».

Он закрыл окно, сел за стол и открыл книгу, которую оставил ему Виктор Степанович. На первой странице была надпись: «Марку, с надеждой на лучшее. Твой друг и учитель».

Марк улыбнулся — впервые за много лет.

Вот полностью переработанный текст — с выправленной логикой, живыми диалогами и психологическим напряжением. Я убрал нестыковки, упорядочил мотивацию персонажей и сделал сцену разоблачения более естественной и драматичной.

Глава 8. Возвращение тишины

После отъезда Виктора Степановича дом словно выдохнул, но не облегчённо, а с тоскливым скрипом. Тишина, которая воцарилась в особняке, была тяжелее любых криков. В криках была жизнь — уродливая, но живая; в тишине же чувствовалась смерть, которая подкрадывалась и ложилась на плечи мокрым одеялом.

Марк сидел на чердаке, прислушиваясь к собственному дыханию. Он открывал книгу, которую оставил учитель — томик Чехова с надписью «Марку, с надеждой на лучшее», — но буквы плыли. Он пытался решать задачи из тетради, но цифры казались насмешкой. Зачем всё это, если некому показать?

Прошла неделя. Марк перестал выходить из комнаты без надобности. Он ел через силу, спал урывками. Зоя приносила еду и молча уходила. Надежда проходила мимо, не замечая его, словно он был мебелью.

— Опять в своей норе, — бросила она как-то Зое, проходя мимо кухни. — Подумаешь, учитель уехал. Видимо, только он и терпел его тупость.

Зоя промолчала. Она боялась Надежду.

Но однажды утром тишина была нарушена. Надежда воорвалась на чердак без стука — она никогда не стучала.

— Ты что, решил сдохнуть с голоду? — рывкнула она.

— Вставай, идиот. Зоя заболела, ты сегодня моешь полы во всём доме. Чтобы к вечеру ни пылинки, понял?

Марк поднял пустые глаза:

— Понял.

— Я спросила — понял?! — заорала она.

— Да, — ответил он безжизненно.

Она вышла, хлопнув дверью. Марк механически оделся, спустился, взял ведро, швабру, тряпки и начал мыть полы. Гостиная, кухня, коридор — он работал как робот, без мыслей, без чувств. Тело двигалось само, разум плыл где-то далеко.

Когда он мыл пол в коридоре второго этажа, он услышал голос Надежды — она разговаривала по телефону. Но голос был необычно мягким, почти ласковым. Марк замер, прижался к стене, бесшумно подкрался к приоткрытой двери гостиной и заглянул в щель.

Надежда сидела в кресле, положив ноги на пуфик, и улыбалась в трубку — искренне, тепло, как никогда при нём.

— ...да, любимый, я скучаю, — говорила она. — Ты даже не представляешь, как мне надоело. Этот холодный дом, этот муж, который не видит дальше своего носа, и этот выродок, который вечно путается под ногами.

Марк вздрогнул. Он привык слышать «выродок», но сейчас, когда она произносила это с такой интимностью, обращаясь к другому, слово резало глубже.

— Нет, не могу уйти прямо сейчас, — продолжала она.

— Валентин всё контролирует. Все счета, все документы. Я знаю, где он держит наличные, но он постоянно меняет код от сейфа. Надо дожидаться удобного момента. И да, я думала о том, чтобы убрать этого мальчишку. Но не сейчас. Пока он только мешает, но я придумаю, как от него избавиться... Нет, не в прямом смысле, но сделать так, чтобы он сгинул в детдоме или интернате. Ты же знаешь, всё оформлено на него. Если мы сможем переписать документы... Да, я работаю над этим. Валентин стал подозрительным, но я умею его убеждать.

Марк похолодел. Она не просто хочет избавиться от него — она планирует обокрасть мужа, сбежать с любовником, а он, Марк, — препятствие, которое нужно устранить.

Он бесшумно отступил, взял швабру и продолжил мыть пол, стараясь не выдать дрожи в руках.

На следующее утро, когда Валентин уехал на работу, а Зоя отпросилась в город, Надежда снова заперлась в спальне и заговорила по телефону. Марк, который уже не мог сидеть сложа руки, подкрался к её двери и приложил ухо к замочной скважине.

— ...через неделю, — говорила она возбуждённо. — Он уезжает в Петербург на пять дней. Я скажу, что хочу поменять интерьер, и он даст мне карту. Я сниму всё до копейки. А потом скажу, что уезжаю к матери. Ты подготовишь документы на выезд. Как только мы будем в Испании, всё конечно.

— А мальчишка? — раздался мужской голос из трубки.

— О, с ним я разберусь, — голос Надежды стал ледяным.

— Накануне я дам ему снотворного в ужине. Он спит как убитый. А утром я скажу Валентину, что он сбежал — он уже пытался сбежать, когда ему было пять, и Валентин тогда избил его, так что поверит. А если проснётся — я открою газ в его комнате. Несчастный случай. Никто не станет копать.

Сердце Марка забилося, где-то в горле. Он слышал, как она говорит о его смерти с таким же тоном, как о выборе обоев. Холодно, цинично, деловито.

Он отпрянул, едва сдерживая тошноту. Побежал в туалет, его вырвало. Он стоял на коленях, трясясь, и смотрел на своё отражение в зеркале: бледное лицо, красные глаза, дрожащие губы.

«Она убьёт меня, — понял он. — Через неделю. У меня есть семь дней».

Всю ночь Марк не спал. Он лежал на кровати, прокручивая услышанное, и искал выход. Если он расскажет Валентину, тот не поверит — для отца он всегда был лжецом. Если он попытается сбежать, его поймают и вернут, а Надежда ускорит свой план.

Он вспомнил слова Виктора Степановича: «У тебя есть глаза, уши и голова. Пользуйся ими». У него есть оружие — информация. Нужно собрать доказательства.

Но как? У него нет диктофона, нет телефона. Он может только записать то, что слышал, и подложить это Валентину.

Но если он просто оставит записку, Валентин может её не найти или не поверить.

Нужно что-то более весомое. Например, номер телефона любовника. Он запомнил, как Надежда называла имя «Сергей» и, возможно, упоминала номер. Но он не слышал цифр. Он должен раздобыть её телефон.

В следующие дни Марк внимательно следил за Надеждой. Он заметил, что она часто оставляет телефон на тумбочке в спальне, когда идёт в душ. Однажды, когда она ушла в ванную, Марк бесшумно проскользнул в её комнату, взял кнопочный телефон — блокировки не было, она считала себя в безопасности. Он быстро открыл список контактов, нашёл имя «Сергей» и запомнил номер: 8-9XX-XXX-XX-XX. Затем открыл сообщения — они были стёрты, но в «исходящих» были даты и номера. Он запомнил всё и положил телефон на место, услышав шаги.

В тот же вечер он попросил у Зои бумагу и ручку, сказав, что хочет записать упражнения. На самом деле он написал письмо аккуратным печатным почерком:

«Уважаемый Валентин Сергеевич.

Мне известно, что ваша жена Надежда планирует обокрасть вас и сбежать с любовником по имени Сергей (номер телефона 8-9XX-XXX-XX-XX). Она собирается убить вашего сына Марка, чтобы он не унаследовал имущество. Она сделает это во время вашей командировки в Петербург. Проверьте её телефон, её контакты, и вы увидите, что я говорю

правду. Если вы не поверите, наведите справки о Сергее. Я рискованную жизнью, написав это. Выбор за вами.»

Он перечитал, сложил и спрятал под матрас — это был первый экземпляр. На всякий случай он переписал всё на второй лист и зашил его в подкладку рюкзака.

Наступила ночь перед командировкой Валентина. Марк знал, что завтра утром отец уедет, и у Надежды будет целая неделя, чтобы осуществить свой замысел. Он должен действовать сегодня.

В полночь, когда дом затих, Марк спустился в прихожую. Пиджак Валентина висел на вешалке. Марк взял письмо, сунул его во внутренний карман, где отец обычно носил записную книжку. Он уже хотел отойти, как вдруг свет зажёгся, и из спальни вышла Надежда.

Она была в халате, но глаза её горели.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она подозрительно.

— Я... я хотел взять книгу, — выдавил Марк. — Забыл внизу.

— Врёшь, — она приблизилась. — Я видела, как ты что-то клал в карман пиджака.

Она шагнула к вешалке, запустила руку в карман и вытащила письмо. Прочитала. Её лицо побелело, потом налилось кровью.

— Ты, маленький ублюдок, — прошипела она. — Ты шпионил за мной?

Она разорвала письмо на мелкие клочки, швырнула их в

камин и чиркнула спичкой. Бумага вспыхнула и сгорела за секунду.

— Теперь у тебя нет доказательств, — сказала она, поворачиваясь к нему. Её глаза были безумными. — Я запру тебя на чердаке, а завтра скажу Валентину, что ты сбежал. А когда он уедет, я сделаю так, что ты никогда не вернёшься.

Она схватила его за руку, сжав так, что кости хрустнули, и потащила наверх. Марк не сопротивлялся — он знал, что это бесполезно. Она заперла дверь его комнаты снаружи и щёлкнула замком.

— Сиди и думай о том, как ты ошибся, — донеслось из-за двери.

Марк остался один в темноте. Он ударил кулаком по стене, но потом замер. Он слышал, как Надежда спускается, и в её голосе, обращённом к самой себе, прозвучало: «Надо сказать Валентину, что этот выродок пытался сбежать, и я заперла его, чтобы он не натворил дел. Завтра утром он сам увидит, что сынок опять ворует».

Марк понял: она хочет выставить его вором, чтобы у Валентина не возникло сомнений, когда он «сбежит». Но у Марка есть копия письма в рюкзаке. Если он сможет передать её отцу, когда тот откроет дверь...

Он знал, что Надежда не убьёт его сегодня — ей нужен алиби, и она хочет, чтобы Валентин уехал спокойно. Значит, у него есть шанс утром, когда отец будет собираться.

Марк не спал. Он сидел на полу, прислушиваясь к звукам.

В шесть утра он услышал шаги Валентина внизу, его голос, зовущий Надежду. Затем шаги приблизились к лестнице.

— Марк! — раздался голос отца. — Выходи!

— Он заперт, — ответила Надежда, которая поднялась следом. — Я заперла его, потому что ночью он пытался влезть в твой сейф. Я видела его в прихожей, он шарил по твоим карманам. Пришлось запереть, чтобы не убежал.

— Открой, — сказал Валентин.

Послышался звон ключей. Дверь распахнулась. Валентин стоял на пороге в рубашке, с недовольным лицом. Рядом стояла Надежда, сложив руки на груди.

Марк поднялся с пола. Он был бледен, но спокоен.

— Это ложь, папа, — сказал он твёрдо. — Я не лез в сейф. Я подложил вам письмо в карман пиджака, потому что она собирается вас обокрасть и убить меня. Она сожгла письмо, но у меня есть копия.

Марк быстро подошёл к рюкзаку, вытащил второй лист и протянул отцу. Валентин взял бумагу, прочитал. Его глаза сузились.

Надежда побледнела:

— Не верь ему, Валя! Он лжёт! Он всегда лжёт!

— Заткнись, — бросил Валентин, не поднимая глаз от письма. — Здесь написан номер телефона. Я сейчас проверю.

Он достал свой мобильный — старый, громоздкий, но рабочий, — и набрал номер. Гудок, затем ответили.

— Алло? — раздался мужской голос.

Валентин спросил, не дрогнув:

— Это Сергей?

— Да, — ответили на том конце. — А кто это?

Валентин сбросил вызов, не сказав больше ни слова. Он поднял глаза на Надежду. Его взгляд был ледяным.

— Объясни, — сказал он тихо, и этот тихий голос звучал страшнее любого крика.

— Это... это коллега по работе! — залепетала Надежда.
— Я не знаю, откуда у него этот номер! Он выдумал всё, чтобы поссорить нас!

— Ты сказала, что он лез в сейф, — сказал Валентин. — Но я только что пересчитал бумаги в кабинете — всё на месте. А вот копия этого письма у меня в руках. Ты думаешь, я поверю, что он сам придумал номер твоего «коллеги»?

Надежда открыла рот, но не нашла слов. Она метнулась к двери, но Валентин схватил её за руку — грубо, больно.

— Ты никуда не уйдёшь, — сказал он. — Сейчас я позволю своим ребятам и попрошу проверить, на кого зарегистрирован этот номер. И если окажется, что это твой любовник, ты пожалеешь, что родилась.

— Отпусти! — закричала она, пытаясь вырваться.

— Нет, — ответил он, сжав пальцы. — Ты останешься здесь, пока я всё не выясню. Марк, спускайся вниз и позвони в отдел, скажи, что я прошу поднять данные по номеру. Быстро.

Марк кивнул и побежал вниз. Он не верил своим ушам — отец поверил ему. Впервые за всю его жизнь отец принял его сторону.

Через час всё было кончено. Валентин проверил данные, и они подтвердили, что номер принадлежит некоему Сергею К., который был замечен в ресторане с Надеждой несколько раз, по показаниям официантов. Валентин, человек с огромными связями в полиции, пригрозил Надежде уголовным делом, и та, рыдая, призналась во всём: в измене, в планах на кражу, в намерении избавиться от Марка.

Глава 9. Смерть Валентина

Когда Валентин вышел из комнаты Марка, мальчик остался сидеть на кровати, прислушиваясь к удаляющимся шагам отца. Он не знал, что теперь будет. Валентин был зол, но не на него – на Надежду. Снизу, из спальни на втором этаже, доносились приглушённые голоса: отец говорил резко, отрывисто, Надежда отвечала то ли плачем, то ли истерическими выкриками.

Марк попытался лечь, но сон не шёл. Адреналин всё ещё бурлил в крови, сердце колотилось где-то в горле. Он лежал с открытыми глазами, вслушиваясь в ночь. Внизу что-то упало, послышался приглушённый крик, потом хлопнула дверь. Наступила тишина.

Прошёл час. Два. Марк ворочался, но сон не приходил. В голове крутились обрывки разговоров, лицо отца, когда он читал письмо, искажённое лицо Надежды, когда она сжигала бумагу. Он чувствовал, что внутри него что-то надломилось, но не мог дать этому названия.

Вдруг он услышал звук – приглушённый, словно кто-то упал. Затем глухой стук, звук разбитого стекла. И снова тишина, но уже другая – слишком плотная, слишком настороженная.

Марк сел на кровати. Сердце забилося чаще. Он прислушался: ни шагов, ни голосов – только звон в ушах. Что-то

было не так. Он встал, бесшумно подошёл к двери, приоткрыл её и выглянул в коридор. Там было темно, но из-под двери спальни на втором этаже пробивалась полоска света. Он сделал несколько шагов к лестнице и вдруг почувствовал запах – металлический, резкий, приторный. Запах крови. Он узнал его по детским воспоминаниям: когда отец в очередной раз разбил ему нос, кровь текла по губам, и этот запах врезался в память.

Марк подошёл к двери спальни. Она была приоткрыта. Он толкнул её и заглянул внутрь.

То, что он увидел, навсегда врезалось в его сознание.

Валентин лежал на полу у кровати, лицом вверх, в луже тёмной, почти чёрной жидкости, которая быстро расплзлась по паркету. Его глаза были широко открыты, но в них не было жизни. Губы приоткрыты, словно он хотел что-то сказать и не успел. На шее зияла глубокая рана, из которой всё ещё сочилась кровь.

Рядом с ним стояла Надежда. В руке она сжимала кухонный нож – лезвие блестело в тусклом свете ночника, всё в красном. Халат на ней был забрызган, волосы растрёпаны, лицо искажено гримасой, в которой смешивались ужас, ярость и неверие.

Она подняла глаза и увидела Марка.

– Ты, – прошептала она. – Ты всё видел.

Марк не мог пошевелиться. Он смотрел на отца, на кровь, на нож в её руке, и тело словно парализовало. Он открыл

рот, но из горла не вырвалось ни звука.

Надежда сделала шаг к нему. Глаза её бегали, она явно не знала, что делать. Но через мгновение в них зажглась холодная решимость.

– Ты не должен был этого видеть, – сказала она, и голос её стал странно спокойным, почти безразличным. – Но раз уж ты увидел... придётся разбираться с тобой.

Марк отшатнулся, споткнулся о порог и упал на спину в коридоре. Надежда вышла из спальни, нож всё ещё был в её руке. Она медленно приближалась, и в её глазах горел тот же безумный огонь, который он видел, когда она мучила его.

– Ты испортил мне всё, – говорила она, и голос её дрожал от обиды, как у ребёнка, у которого отняли игрушку. – Я могла бы уехать, жить счастливо, забыть этот ад. Но ты всё испортил. Ты, маленький выродок, который не умеет сидеть тихо.

Она занесла нож. Марк зажмурился, ожидая удара, но вместо этого услышал грохот – она споткнулась о его ноги, выронила нож, и тот отлетел в сторону. Марк открыл глаза, увидел, что она пытается подняться, и его тело среагировало быстрее разума.

Он вскочил и побежал. Он бежал вниз по лестнице, через холл, на кухню, к задней двери, которая выходила в сад. Он выскочил наружу, босиком, в одной пижаме, в ночной холод. За спиной раздался крик Надежды:

– Стой! Стой, я сказала!

Но он не остановился. Он бежал через сад, перепрыгивая кусты, к соседскому забору. Он знал, что за забором живут пожилые люди – у них есть телефон. Он должен добраться до них, должен позвонить в полицию.

Он перелез через забор, упал на мокрую землю, но быстро встал и побежал к крыльцу. Он забарабанил в дверь кулаками.

– Помогите! – кричал он. – Помогите, убивают!

В окне зажёгся свет. Через минуту дверь приоткрылась, и на пороге появился старик в халате, с взъерошенными волосами.

– Что случилось, мальчик? – спросил он, щурясь от света.

– Она убила моего отца! – прокричал Марк, задыхаясь. – Надежда, мачеха, она зарезала его ножом! Звоните в полицию, скорее!

Старик на мгновение замешкался, но потом повернулся в глубь дома:

– Зина, звони в 112! Быстро!

Он впустил Марка в дом. Марк стоял в прихожей, дрожа всем телом, и смотрел на свои руки – на них была кровь. Не его, отца. Он не заметил, когда испачкался.

Соседка – пожилая женщина в халате – подбежала к нему, накинула на плечи плед, усадила на стул.

– Тихо, тихо, мальчик, – приговаривала она. – Сейчас придут, всё будет хорошо.

Марк не слышал её. Он видел только глаза отца – пустые,

мёртвые – и кровь, которая растекалась по паркету.

Полиция приехала через десять минут, но Марку они показались вечностью. Сирены, мигалки, хлопки дверей – всё смешалось в сплошной шум. Он сидел на кухне у соседей, закутанный в плед, и смотрел на свои дрожащие руки. Рядом сидела соседка, что-то говорила, но он не разбирал слов.

Потом в дом вошли полицейские в форме, за ними – следователь в штатском. Они поговорили с соседями, задали Марку несколько коротких вопросов, а затем его попросили проехать в отдел.

В машине он молчал, глядя в окно на мелькающие фонари. Мысли путались. Он пытался вспомнить, как выглядел отец, когда они разговаривали в последний раз, но в памяти всплывало только лицо Надежды – искажённое, с ножом в руке.

В отделе его отвели в кабинет следователя. Мужчина лет сорока, с усталым лицом и внимательными глазами, сел напротив и включил диктофон.

– Я майор Кравцов, – представился он. – Ты можешь рассказать, что случилось?

Марк сидел на стуле, накинув на плечи чужой пиджак. Он всё ещё дрожал, но попытался собраться.

– Это Надежда, – сказал он хрипло. – Она хотела украсть деньги моего отца и сбежать с любовником. Я узнал об этом случайно – подслушал её телефонный разговор. Я написал письмо отцу, но она его сожгла. Потом я сделал копию и от-

дал отцу. Он прочитал и сказал, что разберётся утром. А ночью... я услышал шум, спустился и увидел, как она стоит над ним с ножом. Он уже лежал на полу. Она хотела убить и меня, но я убежал.

– Ты видел, как она наносила удар?

– Нет, – сказал Марк. – Я прибежал, когда он уже упал. Но она была там, нож в крови. Она сказала, что убьёт меня. Следователь кивнул и записал что-то в блокнот.

– Ты можешь описать содержание письма?

– Я написал, что она планирует украсть деньги, а меня убить. Я слышал, как она говорила любовнику, что даст мне снотворное или откроет газ. Я запомнил номер телефона её любовника – Сергея. Отец проверил его и убедился, что это правда. Он собирался разбираться с ней утром.

– Хорошо, – сказал следователь. – Ты храбрый мальчик. Мы разберёмся. А сейчас тебе нужно отдохнуть.

Марка отвели в комнату отдыха – небольшую, с диваном и старым телевизором. Он свернулся калачиком, укрылся пледом и провалился в глубокий, беспмятный сон. Ему не снилось ничего.

Он проснулся от яркого солнечного света, пробивающегося сквозь грязное окно. За дверью слышались голоса, шаги, звон посуды. Он сел на диване, провёл рукой по лицу и почувствовал, что щёки мокрые от слёз. Он даже не заметил, что плакал.

Он попытался осмыслить, что произошло. Отец мёртв.

Надежда арестована. Он сирота. Не просто сирота – он свидетель убийства. Теперь всё будет по-другому. Его заберут в детский дом, или в приют, или ещё куда-нибудь. Это было страшно, но одновременно он чувствовал странное облегчение – он больше не боялся Надежды, не боялся нагайки. Он был свободен.

Но это чувство смешивалось с тоской. Валентин был его отцом. Даже жестоким, даже нелюбящим – но единственным. И теперь его не стало.

В дверь постучали. Вошёл следователь, а с ним женщина в строгом костюме, с добрым, но официальным лицом.

– Здравствуй, Марк, – сказала она мягко. – Меня зовут Ирина Алексеевна, я из органов опеки. Я знаю, что ты пережил тяжёлое событие. Мы позаботимся о том, чтобы ты был в безопасности. Пока мы поместим тебя во временный приют, а потом найдём постоянное решение. Ты под защитой закона, тебе нечего бояться.

Марк молча кивнул. Он не знал, что ответить.

– Ты можешь взять свои вещи из дома, – продолжила она. – Мы съездим туда сейчас, в присутствии полиции.

Марк снова кивнул. Он поднялся и пошёл за ней.

Когда они подъехали к особняку, он почувствовал, как сердце сжалось. Дом казался чужим, пустым. Полицейские оцепление, жёлтая лента на воротах. Марка провели внутрь. На полу в прихожей ещё виднелись тёмные пятна – он старался не смотреть на них. Быстро прошёл на чердак, со-

брал свои вещи: книгу Чехова, старый рюкзак, тетради. Хотел взять фотографию Анны, но она осталась в её комнате, куда его не пустили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.